

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-16

Чаковский, Александр Борисович.

Ч-16 Блокада. Книга II / Александр Чаковский. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-04-101299-1

К 75-ЛЕТИЮ ПОЛНОГО СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА.

Как выстоять и защитить Родину, если враг блокировал Ленинград и уже стоит на подступах к столице? Где взять силы не поддаться ужасу и панике, превратившись в труса и предателя, когда любимый город охвачен блокадным кольцом? Что позволило жителям осажденного города не только выстоять, но и навеки остаться в памяти потомков?

В книге выдающегося писателя, военного корреспондента Александра Борисовича Чаковского объективно и достоверно, живым и ярким языком описываются события осени 1941 года, когда враг неуклонно продвигался в глубь советской территории. Воссоздается беспримерный героизм жителей блокадного города, не сдавшихся, не преклонивших голову, вложивших свой непосильный вклад в дело Великой Победы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101299-1

© Чаковский А.Б., наследники, 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ранним сентябрьским утром 1941 года с одного из ленинградских аэродромов поднялся самолет и взял курс в сторону Ладожского озера.

Небо было покрыто рваными облаками. Накрапывал мелкий осенний дождь.

Оставшиеся на летном поле люди некоторое время стояли неподвижно, провожая тревожно-настороженными взглядами низко летящий «Дуглас»...

В пассажирском отделении самолета, в ближайшем к кабине пилотов кресле, сидел высокий сухощавый человек в адмиральской форме — нарком Военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов.

Положив на сиденье соседнего кресла портфель и фуражку, он повернулся к окну, раздвинул занавески. Самолет летел низко, едва не задевая крыши изб и кроны деревьев.

Вскоре сквозь мутный плексиглас Кузнецов увидел впереди зеркальную гладь огромного, точно море, озера.

«Ладога... — мысленно произнес Кузнецов и повторил с глубокой горечью: — Ладога!..»

Вот уже несколько дней только по этому суровому озеру мог сообщаться со страной блокированный с суши Ленинград. Вода и воздух — других путей отныне не существовало.

Приблизившись к озеру, самолет спустился еще ниже, — казалось, что колеса «Дугласа» сейчас коснутся воды. В какое-то мгновение они и впрямь едва не вспороли водную гладь, но уже в следующую минуту самолет резко взмыл к черным облакам, нависшим над озером. Сверкнула молния. Самолет

сильно трянуло. Теперь за окном уже ничего нельзя было разглядеть: все заволочла белесая муть.

Еще какое-то время Кузнецов смотрел в прямоугольник окна, задумчиво наблюдая, как на внешней стороне плексигласа пляшут круглые водяные капли.

Снова, на этот раз где-то совсем рядом, сверкнула молния, и самолет точно провалился в глубокую яму. Кузнецову показалось, что мотор стал гудеть глуше, но он знал, что это только кажется: от перемены высоты заложило уши.

Кузнецов обернулся. Он увидел, как немолодой боец, согнувшийся на высоком вращающемся сиденье у пулемета, снял пилотку и провел тыльной стороной ладони по лбу, стирая выступивший пот, хотя в самолете было отнюдь не жарко. Адъютант Кузнецова, сидевший в одном из задних кресел, решив, что нарком хочет что-то сказать ему, застегнул воротник кителя, поднялся и пошел по проходу вперед.

Но Кузнецов молчал.

Адъютант вошел в кабину пилотов и, через минуту вернувшись обратно, доложил:

— Полный порядок, товарищ адмирал! По радиосводке до самого Тихвина сплошная облачность. А там уж и до дома рукой подать.

Кузнецов усмехнулся:

— Значит, порядок, говоришь?

— Так точно, товарищ адмирал! — преувеличенно бодро ответил адъютант и добавил, уже меняя тон на неофициальный: — Пока до Ладоги летели, как куропатку могли подбить! Да и над озером очень даже запросто — как-никак без прикрытия идем.

В его бодром тоне были нотки осуждения: он считал, что, полетев без прикрытия, нарком проявил явное легкомыслие.

Но адъютант ошибался. Кузнецов хорошо представлял себе степень риска. Вражеская авиация бомбила Ленинград днем и ночью. Немецкие аэродромы находились теперь в непосредственной близости от города, и любой самолет, вылетающий из Ленинграда, подвергался реальной опасности быть сбитым. И прежде всего это, конечно, касалось машин гражданского типа: наскоро оборудованные пулеметными установками, они

почти не имели шансов уцелеть в столкновении с боевыми машинами немцев.

Обо всем этом Кузнецов хорошо знал. И тем не менее не счел возможным брать прикрытие: слишком дорог был каждый истребитель в Ленинграде. К тому же небо сегодня, к счастью, было облачным, что облегчало перелет.

Но сейчас, сидя в кресле «Дугласа», Кузнецов просто не думал об опасности. С той минуты, как он вылетел из Ленинграда, все его мысли были заняты одним — предстоящим докладом Сталину об обстановке, сложившейся на Балтике.

И хотя перед глазами наркома как бы независимо от его сознания возникали, сменяя одна другую, картины недавнего прошлого — он видел израненные после перехода из Таллина корабли на кронштадтском рейде, видел огромное, казалось охватившее полнеба, зарево над юго-восточной частью Ленинграда от горящих после вражеского налета Бадаевских продовольственных складов, — думал Кузнецов сейчас только об одном: о предстоящей встрече со Сталиным.

Адъютант, убедившись, что адмирал никак не реагирует на его слова, вернулся на свое место.

Кузнецов скользнул взглядом по альтиметру, прикрепленному к стенке, отделяющей кабину пилотов от пассажирского салона, машинально отметил, что черная стрелка ползет вверх, потянулся к лежащему на соседнем сиденье портфелю, вытащил из него большой блокнот и стал перелистывать мелко исписанные страницы...

Итак, он прибудет в Москву не позже десяти утра, с аэродрома отправится к себе в наркомат и оттуда доложит в секретариат Сталина о своем возвращении.

Сможет ли Сталин принять его сегодня же? Не изменился ли за эти две с лишним недели распорядок работы Ставки Верховного главнокомандования?

...Из Москвы Кузнецов улетел в конце августа. Тогда, в августовские дни, столица еще мало напоминала фронтной город.

Несмотря на то что стены домов были оклеены военными плакатами, а по улицам то и дело проходили колонны бойцов, мчались в сторону Минского, Можайского и Волоколамского

шоссе военные грузовики и выкрашенные в маскировочные цвета легковые автомашины, внешне гигантский город продолжал жить привычной мирной жизнью. По крайней мере днем. Потому что вечером все менялось: десятки аэростатов воздушного заграждения придавали необычный вид московскому небу, к станциям метро устремлялись потоки людей, главным образом женщин с детьми, чтобы в безопасности провести ночь, а на опустевших улицах гулко звучали шаги комендантских патрулей.

Месяц спустя после того, как советские пограничные земли впитали в себя первую кровь наших бойцов и мирных граждан, немцы предприняли первый большой авиационный налет на Москву.

Налет произошел поздно вечером, точнее, в ночь на 22 июля, и москвичам, которые к тому времени уже не раз слышали вой сирен и видели, как лучи прожекторов бдительно обшаривают небо, казалось, что этим все ограничится и теперь. И только когда стены домов стали содрогаться от бомбовых разрывов, а ночное небо осветилось заревом пожаров, они поняли, что тревога объявлена не напрасно.

С тех пор москвичи уже успели привыкнуть к бомбежкам, научились не бояться зажигалок, тушить пожары.

Каждое утро, прослушав сводку Совинформбюро, они спешили к картам. Карты приобрели особую ценность. Их выдирали из школьных учебников, из старых энциклопедий, из книг, посвященных Первой мировой и Гражданской войнам. К ним с тревогой прикладывали школьные линейки, угольники, клеенчатые портняжные ленты, разделенные на сантиметры и миллиметры, полоски из школьных арифметических тетрадок «в клеточку», стараясь перевести масштабы карт в реальные расстояния. И каждое новое сообщение о боях за тот или иной город, будь то Львов, Витебск, Минск или малоизвестная Лида, болью отзывалось в сердцах.

Если в июле столице угрожали лишь воздушные налеты, то в конце августа у москвичей появились реальные основания для более серьезной тревоги. Бои шли в районе Смоленска. Все новые и новые предприятия и учреждения эвакуировались из столицы на восток.

И все же, несмотря ни на что, жители столицы не допускали и мысли, что немцы могут захватить Москву.

«Родина-мать зовет!», «Все для фронта, все для победы!» — взывали лозунги и плакаты на улицах города, в цехах, в учреждениях. И этим стремлением помочь борьбе с врагом жили в те трудные дни все советские люди.

Почти из каждой семьи кто-нибудь ушел на фронт. Тысячи москвичей вступили в дивизии народного ополчения. Круглосуточно работали заводы, выпуская военную продукцию.

Газеты и радио сообщали о фактах беспримерного героизма бойцов и командиров Красной Армии. Героизм стал массовым. Все это вселяло надежды на скорый перелом в ходе войны.

Радовали и решительные действия советской дипломатии: подписание соглашения с Англией о совместных боевых действиях против гитлеровской Германии, встречи Сталина с приехавшим в Москву личным представителем Рузвельта Гарри Гопкинсом...

И, ложась спать в свои ли привычные постели, на казарменные ли койки в заводских общежитиях, на раскладушки, устанавливаемые на ночь в райкомах и парткомах, на деревянные лежаки, расставленные на платформах станций метро, люди верили в то, что благодаря вводу в бой новых, могучих резервов или революционным событиям в самой Германии положение решительным образом изменится.

Ранним утром, вслушиваясь в сводку Совинформбюро, торопливо развертывая свежие газеты, они с горечью убеждались, что перелом еще не наступил, но продолжали жить надеждой на день следующий...

Те из москвичей, чей путь на работу проходил через центр города, редко упускали случай пройти по Красной площади и с радостью убедиться, что, несмотря на очередной ночной воздушный налет, Кремль стоит непоколебимо. И пожалуй, не было человека, который непроизвольно не замедлил бы шаг и не бросил бы пристального, полного веры и надежды взгляда на возвышающийся над зубцами Кремлевской стены купол желто-белого правительственного здания.

В то время мало кому доводилось бывать в Кремле и тем более знать, где и какое учреждение там расположено. Но

именно это здание, над куполом которого в мирное время привычно развевался огромный красный флаг, миллионы людей воспринимали как центр руководства страной.

И, проходя по Красной площади, столь родной и знакомой, несмотря на камуфлирующие рисунки, покрывающие ее брусчатку, москвичи с особым чувством обращали свои взгляды к окнам этого здания. Может, именно сейчас там, в одном из кабинетов, Сталин обдумывает нечто такое, что решительно изменит весь ход войны! Ведь не случайно принял он на себя обязанности наркома обороны, а совсем недавно — Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза! Может быть, именно в эти минуты Сталин и дает указания, которые по каким-то неизвестным, но важным причинам нельзя было дать раньше, указания, в результате которых все изменится к лучшему, произойдет желанный перелом. Так думалось москвичам.

Вера в могущество социалистического государства, в Красную Армию в то время у советских людей была неразрывно связана с верой в Сталина. И не только потому, что именно он стоял во главе Центрального Комитета в годы великих преобразований страны, героических трудовых свершений партии и народа, но и благодаря поощряемому самим Сталиным культу его личности.

И хотя в своей речи третьего июля он откровенно сказал народу горькую правду о положении, в котором оказалась страна в результате вторжения немецких полчищ, а все последующие события показали, что враг силен и победа над ним еще далека и потребует напряжения всех сил, воли и готовности стоять насмерть, — тем не менее привычная уверенность в могуществе и мудрости Сталина была столь велика, что в первые недели и даже месяцы войны от него ждали чуда.

Поэтому людям хотелось хотя бы мысленно проникнуть в Кремль и представить себе, что же делает там, в своем кабинете, Верховный главнокомандующий...

И мало кто знал, что тогда, в августе, Сталин обычно проводил вторую половину своего рабочего дня не в Кремле, где еще только строилось убежище, достаточно надежное для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу Ставки во время бомбежек, а в неприметном особнячке с мезонином, непо-

далеку от станции метро «Кировская», и всего лишь невысокая решетка-ограда отделяла этот близко стоящий к тротуару дом от потоков людей, текущих по улице Кирова.

В другом, расположенном рядом большом здании разместилось Оперативное управление Генерального штаба. Подземный переход соединял этот дом со станцией метро, также превращенной в служебное помещение Генштаба.

В последний раз Кузнецов видел Сталина в конце августа именно там, на Кировской.

Он помнил все подробности этой встречи, все до малейших деталей.

Вот он, преодолев несколько выщербленных каменных ступенек, открыл дверь в небольшую приемную, где сидел помощник Сталина Поскребышев, поздоровался с ним.

Звонили телефоны. Не отрывая глаз от бумаг, Поскребышев снимал трубку и коротко отвечал: «Нет», «Сейчас занят», «Не знаю».

Все давно привыкли к тому, что только через кабинет Поскребышева можно проникнуть к Сталину, что его, Поскребышева, голос, как правило, звучал в трубке, прежде чем начинал говорить сам Сталин, что через его руки проходили все те бумаги, которые предстояло прочесть Сталину, и ему, Поскребышеву, передавал Сталин для дальнейшего исполнения важнейшие документы.

Всей своей манерой поведения, немногословием, сухостью Поскребышев как бы подчеркивал, что никогда не делает и не говорит ничего по собственной инициативе, а лишь то, что ему поручил сделать или сказать товарищ Сталин.

На лице этого низкорослого, с наголо обритой головой, говорящего грубым басом человека ничего нельзя было прочесть, оно всегда было сумрачно-строгим. И надежду на то, что тем или иным наводящим вопросом или другим искусным маневром у него можно выведать нечто такое, что пригодится в предстоящем разговоре со Сталиным, все, кому приходилось иметь дело с Поскребышевым, оставили давно.

Кузнецов, неоднократно бывавший у Сталина, естественно, хорошо знал характер Поскребышева и поэтому, прибыв к Верховному с намерением получить разрешение на выезд

в Ленинград, даже не пытался выяснить, звонили ли в последние часы с какими-либо срочными сообщениями Ворошилов или Жданов и — что тоже было немаловажным — в каком настроении находится сейчас Сталин.

Кузнецов молча сел, скользнул взглядом по стенам приемной, по барельефам надменных горбоносых древних римлян, увенчанных лавровыми венками, по облупившимся лепным украшениям на потолке.

Он был здесь уже не в первый раз, но все еще не мог привыкнуть к обстановке, столь отличающейся от привычных кабинетов Кремля.

Недели три тому назад, впервые приехав в этот дом по вызову Сталина и вот так же ожидая, пока тот освободится, Кузнецов даже спросил Поскребышева, не знает ли он, кому некогда принадлежал этот захудалый, но с претензией на дворцовую роскошь особняк. Поскребышев недоуменно поглядел на адмирала, точно удивляясь, как его могут интересовать не имеющие никакого отношения к делу вопросы, сухо ответил: «Не знаю», — и на этом разговор был исчерпан.

Раздался негромкий, явно отличающийся от телефонного звонок. Поскребышев встал, одернул перепоясанную широким армейским ремнем гимнастерку, вышел из-за стола и, приоткрыв расположенную справа дверь, перешагнул порог.

Он отсутствовал лишь мгновение и, появившись, сказал:
— Пройдите.

...Кузнецову, который сидел сейчас в кресле самолета, откинувшись на спинку и прикрыв набухшие от бессонных ночей веки, показалось, что он вновь входит в кабинет Сталина, вернее, в ту непривычную комнату с двумя расположенными в противоположных углах каминами, старинной люстрой, имитирующей гирлянду свечей, и причудливо расписанным потолком, в которой теперь работал Сталин.

Увидя входящего Кузнецова, Сталин поздоровался с ним кивком головы и негромко сказал:

— Слушаю вас, товарищ Кузнецов.

Сжато, коротко Кузнецов обрисовал положение, в котором оказалась основная часть Балтфлота, базирующаяся в Таллине, куда кораблям пришлось перейти после захвата немцами

Лиепай, и высказал мнение, что ввиду непосредственной угрозы, нависшей над Таллином, находящийся там флот надо срочно выводить в Кронштадт.

Сталин молча слушал Кузнецова, медленно шагая по комнате, и наркому казалось, что в эти минуты Верховный главнокомандующий думает о чем-то, не имеющем прямого отношения к его докладу.

Внезапно Сталин остановился и спросил:

— За Моонзундские острова и Ханко вы спокойны?

Смысл этого вопроса не нуждался в расшифровке: гарнизоны Моонзундских островов, полуострова Ханко и минное заграждение между ними закрывали вход кораблям противника в Финский залив.

— Все зависит от того, какими силами враг попытается прорваться в залив, — ответил Кузнецов. И, видя, что Сталин молчит, добавил: — Во всяком случае, необходимо немедленно перебазировать все корабли из Таллина в Кронштадт... И чем раньше, тем лучше!

В последних словах Кузнецова помимо его воли прозвучал косвенный упрек.

Кузнецов считал, что корабли следовало перебазировать из Таллина еще раньше, и ему было неясно, почему Ворошилов, в оперативном подчинении которого после создания Северо-Западного направления находился Балтфлот, медлил и не просил у Ставки санкции на отвод флота. Потому ли, что верил в возможность отстоять Таллин, или потому, что не решался обратиться с этим предложением к Сталину, который — это было известно Кузнецову — в последнее время не раз высказывал резкое недовольство отступлением войск Северо-Западного направления. Положение Кузнецова осложнялось тем, что помимо Ворошилова в Ленинграде находился Жданов, которому как секретарю ЦК еще до войны были поручены вопросы, касающиеся Военно-морского флота...

События самых последних дней убедили Кузнецова в том, что дальше откладывать отвод флота нельзя. Об этом он и счел необходимым доложить Сталину.

Сталин понял упрек, глухо прозвучавший в словах Кузнецова, пристально посмотрел на него и спросил: